

П.А. Вяземский

**Записные книжки
1813-1848**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П11

П11 **П.А. Вяземский**
Записные книжки: 1813-1848 / П.А. Вяземский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 512 с.

ISBN 978-5-458-23146-6

Издание включает 14 записных книжек П.А.Вяземского за 1813-1848 гг., дополнения из второй (1813-1855), седьмой (1828-1833), и тринадцатой (1838-1860) записных книжек, а также примечания и указатель имен. Составитель - В. Нечаева. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1963 года.

ISBN 978-5-458-23146-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Будет другой век, когда протухлый наш век сгниет; вопли моего сердца, быть может, не заглушатся под усилиями невежества, и я отзовусь у добрых и счастливейших людей. Я мало означил шагов на пути своего незначительного бытия, но шаг-другой останется впечатленным».

*(Из письма П. А. Вяземского
А. И. Тургеневу от 3 сентября 1820 г.)*

КНИЖКА ПЕРВАЯ¹

(1813—1823)

Милостивый государь,

Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставляло меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессоницы, и начиная засыпать мерещились мне мысли. Я кидался с постели, в просонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои и опять оставался с прежним недостатком. В унынии я уже прощался с надеждою сказать о себе некогда хотя пару слов типографьям, прощался с надеждою получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: Журналы! Вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородною страстию напоминать о себе вселенной! Наконец, последняя книжка «Вестника Европы» под № 22-м оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарею надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на олтаре журналов; ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которым, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял неборимому желанию чернить белую бумагу. Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет

вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ. Кто-то сказал, что, когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в своем Вестнике, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека*².

ПРИКАЗ СЕМЕНУ ГАВРИЛОВУ³

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее и что ты начинаешь знать, где ставится *ѣ* и *е*. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее пред миром, и который с удивительным своим дарованием погрешает всегда против сих букв. Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилов! Это стоит *ѣ*. Пекись о нем, но пекись и о доходах, помни мое наставление: соединяй полезное с приятным. Притом же буква *ѣ* гораздо на глаза милее в доходе, чем в расходе. Еще одно слово: твой слог всегда шероховат, а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная, спеша не спотыкнулась,
И с гласною другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от сияния злых как можно убегай⁴.

И всякой раз, что возьмешь перо в пальцы, прочитывай три раза сии прекрасные стихи, находящиеся в «Науке о Стихотворце», сочиненную Буало Депрео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести с французского. Впрочем, я здоров, но только немного простудился на днях в «Беседе»; надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаюсь вам снять с вас оброк на два месяца, и если напишется много, то и на три. Молитесь богу о том; вы верно неусердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год, как я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды и жду помощи от бога: сенатор Захаров до старости не писывал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть. Высылай скорее денег: я должен книгопродавцу 200 рублей, и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев: страшись моей к ним любви⁵.

ПОСВЯЩЕНИЕ ^{1*}
ПРИ СЛЕДУЮЩИХ БАСНЯХ

Непринужденный баснослов,
Люблю я твой язык скотов,
Он прост, щеголеват и сладок.
Парнаса нашего ты приподнял упадок,
И с Елисейских нив
К тебе, наш Лафонтен, твой мастер,
Друг Сумароков Муз кричит: «не будь ленив,
От ран словесности ты будь надежный пластырь.
Очисти вкус,
Скажи невеждам ты и школьникам Парнаса,
Что тыква, что арбуз,
И чтоб за нектар нам не выдавали кваса».
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я в трубу,
Не посажен я Музой в славной пайке,
И так бренчу
На балалайке,
И сам себе я только по плечу.
Но ты, мой Меценат, взгляни на эти притчи,
В них, может быть, найдешь ты много дичи,
Но на себя пеняй, я б их не написал,
Когда тебя бы не читал ⁷.

БАСНИ

1

В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть и крыса,
Она, как баба Василиса,
Все веселилася, не думая о том,
Что, может быть, придет ей встретиться с котом.
А кот, зверок известный,
И с рыла и с хвоста премилой, пререплестной,
А попадись ему, так будет тесно.
Мяучит кот,
А мышь пищит и, прыгая, идет
К коту навстречу.
Кот мышку цап
И в миг царап.

^{1*} Мои подражания Хвостову ⁶. — Прим. Вяземского.

Смысл басенки моей я вам, друзья, замечу:
 Мы здесь живем,
 К бедам плывем.
 Рок—кот, мужчина — крыса,
 А баба всякая — такая ж Василиса ⁸.

2

В одном лесу гулял охотник,
 Тут был и плотник
 Иль, если правильной сказать, то дровосек.
 Но нет беды! Ведь он такой же человек.
 Читатели простят. Я не грамматик,
 А просто баснослов-лунатик.
 К тому ж, с кем Муза здесь дружна,
 Тот знает, что подчас нам рифма солона,
 Горька, как редька.
 Поэт, коль рассудить, несчастный, право, Федька.
 Но ба, ба! Имянной указ:
 Такого-то числа и году,
 От Феба Пиндскому народу,
 Нам делать не велит отводу,
 А просто продолжать начатый раз
 Рассказ.
 Сей час!
 Мой милостивой Феб, прости! вперед не буду
 И твой приказ
 Я не забуду.
 Воротимся ж в свой лес,
 Где встретим мы своих повес.
 Один из них, в овчинной бурке,
 Был с топором,
 Другой, в зеленой куртке,
 С ружьем.
 Один пилит себе покойно елку,
 Другой, на ней завидя перепелку,
 Кричит: «постой!
 Негодник злой,
 Ты видишь, я здесь забавляюсь
 И сам стрелять на елку попускаюсь.
 Дороже топора ружье».
 И тот мужик хоть неучтивый,
 Но смыслом справедливый,
 Сказал ему: «вранье.

Я здесь дрова рублю к отцу на новоселье.
Я дело делаю, а ты безделье».

Читатели мои!
Как чванство гордое, ни хмурься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи ⁹.

3

Осел мясистой, вислоухой,
Тащась по полю, раз повстречался с мухой.
«Здорово, брат!»
«Сеструшечка, здорово!»
На наш живут и звери лад:
Поклон, привет, на случай все готово,
Но замешайся тут не то,
Ни братом, ни сестрой не назовет никто.
Но далее пойти, и смысл нам будет ясен:
В толк быль возьмем, а быль под рожей басен!
Идут,
Ползут;
Но мухе —
Ей все ведь в труд.
Соскучилось — и вдруг взлетела и на ухе
У осла,
Как королева прилегла.
Осел ей говорит: «послушай ты, воструха,
Но, вон с уха,
Я не носилки для тебя».
А муха говорит: «не слушаюся я!»
И впрямь, что сделаем с бедою неминучей,
Хоть тяжело. Сердись, так будет круче.
Ты лучше потерпи. И мой осел,
Поосердяся,
Пораскричався,
Но муху на ночлег легохонько привел ¹⁰.

4

Лисица съела петуха,
Иль попросту дала дурашке треуха.
Лисицу господин чиновник,
Лесной полковник,

Зубастой волк,
 ногою толк,
 Тут свиснул в ухо,
 А там, безмолвствуя, к себе запрятал в брюхо.
 Лисице сухо.
 Наш волк, насытившись, гордится в попыхах.
 Но из лесу медведь — и волк наш в дураках!
 Медведю волк наш приглянулся,
 И он еще и не очнулся,
 А в рот уж чебурах!
 И мой бедняк лежит в медвединых кишках.

У сильных слабые в тисках ¹¹.

ИЗ ТОГО СВЕТА ^{1*}

Так как у нас календари не в употреблении, то не означаю ни числа, ни года.

От Великого Князя Георгия Владимировича первопрестольные столицы Градоначальнику, графу Александру Петровичу Торماسову

Грамота.

До меня дошло известие, что благополучно царствующий ныне потомок наш тебе вверил управление любезного сердцу моему города. Поздравляю и тебя с честью начальствовать в городе, освященном знаменитыми происшествиями, искупившем несколько раз погибающее отечество и жителей его, которыми предводительствует Вождь, поседевший под знаменами победы. Построивши на берегах Москвы и Неглинной несколько деревянных лачуг, не думал я, что городок мой возрастет до вышней степени величия, на котором красуется теперь Москва, и станет на ряду с богатейшими столицами света: так слава Российского оружия, осветивши при начале своем соседственные края, в счастливые дни вашего столетия озарила отдаленнейшие земли и горит в глазах света незаходимым солнцем. С радостью услышали мы, что ревностное усердие твое восстановить город, на который обрушился жестокий и сильный неприятель, венчается успехом и что уже едва приметны следы пламенной войны.

Спасибо тебе за это! Москву надобно поддерживать и обогащать. Свое худо хвалить; но на зло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он может быть и раскаивается, что затеял

^{1*} Мое письмо к Тормасову, на маскараде, данном Праск[овьей] Юрьев[ной] Кологривовой, в Москве. — Прим. Вяземского.

золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мною. Дело сделано. Дай бог цвести в красоте и славе Петрограду! (Воля ваша, мы здесь, старые русаки, не можем приучиться русской город называть немецким именем). Но дай бог здоровье и матушке Москве!

Признаюсь тебе в малодушии своем: охотно бы оставил я на некоторое время блаженное спокойствие, которым мы наслаждаемся, чтобы прийти поглядеть на свой городок, который, вероятно, не признал бы меня, так как и я узнал бы его по одним догадкам или предчувствиям родительского сердца. Охотно бы согласился, платя дань времени, нарядиться в кургузое ваше платье, хотя бы и не пришло оно ко мне к лицу и, переменяя ночь в день, на маслянице поглядеть на ваши игрища и полюбоваться красавицами и уважением, которым награждаются твои достоинства. Сплетники нашего мира, потому что они и здесь завелись от вас, сказывали нам, что звание Московского начальника недолговечное и что место это шаткое; но мы надеемся, что ты опровергнешь своим примером дурное обыкновение и увековечишь себя на этой степени так, что и после тебя будут прозывать хорошего начальника Москвы: *другим Гормасовым*. Бью челом и желаю тебе здоровья и хорошего продолжения хорошего начала¹².

И. И. ДМИТРИЕВУ^{1*}

Именем Лафонтена и всей шайки избранных писателей, отпущенных на упокой, делаю вам строгие укоризны за то, что вы покинули наше ремесло, которое поддерживалось вами в России. Когда важнейшие занятия оспаривали право на ваше время и отечество требовало от вас иных услуг — мы молчали. Но теперь, когда отдых заменил деятельную и полезную жизнь, с горем и негодованием видим в вас неверного брата. Удовлетворите скорее справедливому требованию нашему и примите жезл владычества, похищенный в междуцарствии лжецарями.

По старшинству лет ваш учитель, а по старшинству дарований ученик
Хемницер.

*Поля Елисейские*¹³.

СОБАКА^{2*}

Лягавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: ну, если б был здесь мост,
Я прямо пробежала
И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,

^{1*} Тоже мое на этом маскараде. — *Прим. Вяземского.*

^{2*} Следующие мои. — *Прим. Вяземского.*

Не грызли б мне лягушки хвост.
 Хоть у собаки ум и прост,
 Но в этом случае не так-то глупо судит.
 Вдруг издали плывет бревно.
     Одно
     Оно
 Надежду на душе лягавой будит.
 Великой аргумент: авось.
 И говорит себе лягавая: не бось.
 Приблизилась к бревну и вот уж поравнялась,
 Собака кое-как вдруг на него взобралась
     И села попросту верхом.
     Потом
 Собака сделалась гребцом:
 Гребет, гребет не веслами, ногами,
     И не поет, как вечерами
     Поют матросы на Неве
     Иль матушке Москве,
     А просто лает,
 Но к берегу, однако, счастливо приплывает.

Учитель лучший нам нужда.
 Приди беда —
 И всякая собака —
 Не хуже Телемака ¹⁴.

СТОЛ И РЕПА

Кичлива репища сидела на столе,
     Как будто сосна на земле,
     И ослабляя рыло,
 И, возвеличившись, столу так говорила:
     «Послушай, стол,
 По милости моей ты стал теперь престол,
     Сойду, так будешь пешкой».
     А стол ей отвечал с усмешкой:
     «В тебе от гордости дух сперт,
 Пожалуйста, ты не бочись, как Ферт,
 Как скушают тебя, так подадут десерт».

Так думает гордец надутый,
 Что общества он честь и витязь пресловутый ¹⁵.

КЕНЬГА, САПОГ И НОГА

Однажды кеньга
 Приходит к сапогу
 И говорит ему: «ты гнешь меня в дугу,
 А право за меня заплачена и денъга!
 Чем я тебе не брат,
 Не кум, не сват?»
 Сапог молчит,
 Но ножке говорит:
 «Послушай,
 Меня хоть скушай,
 А я тебе скажу,
 Иль, если в слух боюсь, то скрыпом прожужжу.
 Зачем меня ты давишь
 И так в грязи бесславишь?»
 Нога на то ответа не дарит,
 А только что бежит.
 Тут барин подоспел домой из бульвара,
 Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек.
 А ножку? — нет ее он поберег
 И высушил, согрев водой из самовара.
 Мы любим то, что не любить нельзя.
 Такие, я видал, и на роду друзья ¹⁶.

ПРОСВИРНЯ И ШОРНИК

В каком-то городе французском,
 А может быть, и прусском,
 До географии ведь в баснях дела нет,
 С соседкой жил сосед,
 Как брат с сестрою, мирно.
 Он шорник был, она была просвирной;
 Да, кажется, и как им доходить до при,
 Или до ссоры?
 Один работал шоры,
 Другая просвиры.
 Вдруг, вышел из домов до утренней зарп,
 На улице они нашли копейку.
 А в свете сплошь
 Цари ведут войну за грош.
 Вот бросились они на медную злодейку.

Просвирня вдруг кричит:
 «Копейка мне принадлежит!»
 А шорник —
 Ерник
 Кричит: «нет, мне!»
 Дошло до драки,
 Дерутся, как собаки,
 Как турки на войне.
 Тут buttoшник, услыша крики
 И вопли дики,
 Пришел,
 Взял деньги,
 И в съезжую моих соседей он повез,
 Его без сапогов, ее без кеньги.

 Отец Зевес,
 Чтоб люди не дремали
 И иногда себя щипали,
 Пустил на землю интерес ¹⁷.

На сивой лошади из-за Москвы мужик
 В октябрьски дни вез сено;
 Русак ходить привык,
 Не гнется под ногой колено,
 Не станет он в тупик.
 На голове хоть не парик,
 А шапка из овчинки,
 Великоною, правда, с крынки,
 Но все ходить ему легко,
 Хоть на ноге и не трико,
 Не плис, не нанка,
 А байка, да и та едва ли не изнанка.
 А Буцефал,
 Иль попросту сказать российская ослица.
 Сперва орал,
 Его отечество не Лондонска столица
 И жеребцу,
 Не молодцу,
 Идет на лакомство лишь отрубей частица.
 Да из пруда водица.
 Мужик идет пешком,
 Лошадку бьет кнутом,
 И вдруг навстречу